

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ**

Цикл
«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

ЦИКЛ «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЬНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

ЦИКЛ «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

**ШАНС
ЗАКЛИНАТЕЛИ**

Цикл
«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ПЕРЕСМЕШНИК

РОМАН

Москва, 2012
 АРМАДА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 600

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю.
П23 Пересмешник: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 476 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-0419-3

Добро пожаловать в Рапгар! Просвещенную столицу цивилизованного мира, город тысячи народов, королевство страстей, вселенную пара и магии. Царство, в котором живут бок о бок лучшие люди и самые страшные чудовища из тьмы.

Древняя столица страны — город множества историй, каждая из которых является не менее реальной, чем ваша, и повествует о чьей-то жизни, полной любви, ненависти и приключений. Например, такой, как у чэра Тиля эр'Картия по прозвищу Пересмешник, который, к своему несчастью, оказался в неудачное время не в том месте, из-за чего его судьба изменилась раз и навсегда.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0419-3

© Пехов А. Ю., 2009
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009

*Посвящается Елене Бычковой и Наталье Турчаниновой,
познакомившим меня с Эрин и Бэсс.
А также всем, кто захочет остаться в Рапгаре надолго.
Добро пожаловать!*

Гиены и трусов, и храбрецов жуют без лишних затей,
Но они не пятнают имен мертвецов: это — дело людей.

Редьярд Киплинг

Не бойтесь будущего. Вглядывайтесь в него, не обманывайтесь на его счет, но не бойтесь... Вчера я поднялся на капитанский мостик и увидел огромные, как горы, волны и нос корабля, который уверенно их резал. И я спросил себя: почему корабль побеждает волны, хотя их так много, а он один? И понял: причина в том, что у корабля есть цель, а у волн — нет. Если у нас есть цель, мы всегда придем туда, куда хотим.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль

Глава 1 «ДЕВЯТЫЙ СКОРЫЙ»

— Скажи на милость, молодой человек, что за глупости ты городишь? — недовольно забрюзжал Стэфан, когда я отпустил коляску, кинув на прощание возникшему мелкую монету.

— Ты о том, что этот парень не заслуживает награды? — произнес я, наблюдая, как экипаж удаляется по живописной липовой аллее в сторону скрытого за холмами Отумхилла.

— Я о том, что теперь нам тащиться пешком четверть мили! О Всеединый! Это просто невыносимо для моих ног!

— У тебя никогда не было ног, — на всякий случай напомнил я ему. — Таким, как ты, они совершенно ни к чему.

— Это исключительно твое, невежественное мнение. — Стэфан не желал ничего слушать. — Что касается того прохвоста — он вор. А жаловать воров в высшем обществе считается плохим тоном.

Я рассмеялся:

— Тебе ли не знать, старина, что в нашем высшем обществе — вор на воре и воров погоняет. Нашел чем удивить!

Он недовольно побряхтел, понимая, что здесь-то я смог уложить его на обе лопатки, и все-таки сказал:

— Возничий вчера украл бутылку розового шампанского, пока вы, пьяные бестолочи, пытались стрелять вальдшнепов в том молодом дубовом леске.

— Пф-ф! Бедняге надо было промочить горло. Ты к нему очень несправедлив.— Я наслаждался прогулкой.

Все-таки те, кто говорит, что надо почаще покидать город, правы. Сельская природа куда больше радует глаз, чем улицы Рапгара.

— Если бедняга хотел пить, то поблизости текла река,— ядовито отчеканил Стэфан.— Когда немытая деревенщина утоляет жажду, хлеща шампанское из лучших провинций Жвилья по сорок фартов¹ за бутылку, — это конец света! И никак иначе я сие явление назвать не могу. Во времена твоего прадеда, да пребудет он в Изначальном огне, таких жуликов пороли стальными прутами...

— Ага... и еще живьем сдирали крюками кожу,— разом поскучнел я.— Но, на мое счастье, мы живем в более прогрессивные времена. Миру нужна гармония, Стэфан.

Однако моя трость с этим утверждением явно была не согласна:

— Миру нужен огонь и стальная пята, иначе он быстро придет в негодность.

— В тебе говорит кровожадная душа демона,— укорил я его и тут же об этом пожалел.

— У нас нет души. И сколько раз я тебя просил — не называй меня так. Это по меньшей мере оскорбительно! Амнисы² не относятся к роду низших.

— Ну извини,— повинулся я, не желая слушать в течение двух следующих часов поток разнообразных нотаций.

— Мой мальчик, когда ты доживешь до моих седин...

— Я не доживу,— перебил я его, и он, поняв, что сказал что-то не то, прикусил язык, кашлянул, прочистил горло и, сменив тему, произнес уже совсем другим тоном:

— Не уверен, что ты поступил правильно, так быстро изменив планы. Ведь ты собирался гостить в Отумхилле до конца недели, а пробыли мы там меньше суток.

— Я извинился перед Зинтринами. Они поймут.

— Извинился письмом, а не лично, как того требуют светские приличия. Это больше похоже на бегство, чем на отъезд.

¹ Один фарт — крупная денежная единица Рапгара — содержит в себе 20 трестонов или 100 сцелинов. Один трестон равен 5 сцелинам.

² От *лат.* *amnis* — водный поток, в другом значении — душа.

Теперь уже мне нечего было сказать. Стэфан, как частенько это бывает, — прав. Но меня тяготило присутствие в имении Зинтринов, куда неожиданно-негаданно приехала Кларисса вместе со своими подлецами-братцами. Впрочем, дело было не в ней. Точнее, не только в ней.

Прошло уже полтора года, как я снова оказался в этом фальшивом блеске — высшем свете Рапгара, среди пустых разговоров о погоде, поло, скачках и новых целебных курортах, а все они, прекрасные дамы в вечерних платьях и господа в смокингах и фраках, до сих пор то и дело награждают мою персону в лучшем случае любопытными взглядами. В худшем можно разглядеть целый спектр эмоций, начиная от сочувствия и жалости и заканчивая опаской и презрением. В первом и втором я совершенно не нуждаюсь, третье меня несколько смешит, а четвертое совсем не трогает. Но вместе с тем, по возможности, я старался игнорировать благородные сборища, если, конечно, от этого нельзя было отвертеться.

Данте в шутку называет меня затворником и говорит, что теперь, после всего случившегося, я точно должен брать от жизни все, а не чахнуть у себя в норе.

— Спешите жить, мой друг. Спешите жить, — говорит мне это древнее чудовище, как только на него нападает очередной приступ меланхолии.

Я в ответ лишь улыбаюсь, не желая спорить по таким пустякам, и молчу о том, что Данте сам не слишком торопится выезжать из своего дворца куда бы то ни было и называет половину высокогородных господ Рапгара не иначе как неотесанными обезьянами. По его мнению, с мартышками могут общаться лишь очень вежливые чэры¹, а себя он к таковым совершенно не относит.

— Ты же знаешь, как меня тяготят разговоры о покупке нового рысака, грядущих балах, модных идеях портных жвиля и о том, как господин Н. застал госпожу Н. в объятиях господина А. и какая славная дуэль состоится в грядущую пятницу. У меня такое чувство, что за шесть лет моего отсутствия здесь ровным счетом ничего не изменилось.

Помнится, Данте в ответ тихо фыркнул, и наша беседа

¹ Чэ р — уважительное обращение к лучэру.

угасла, словно пламя веры во Всеединого в сердце чернокожего огана.

Я вдохнул полной грудью чистый сельский воздух. Он пах желтой осенней листвой, парным молоком, старым сеном, жареными каштанами и ночным туманом, который совсем недавно успел раствориться среди деревьев, нарядившихся в ало-желтые одежды.

С детства люблю осень. Это замечательный сезон, пускай он и немного дождлив. По мне, зима излишне холодна, весной с моря дует стылый и влажный ветер, летом приходит одуряющая жара. Осенняя пора — лучшее из всего, что может показать природа. Не слишком жарко и не слишком холодно, небо кристально чистое, и все окрестности, куда ни кинь взгляд, сверкают алым, золотым, оранжевым, желтым, охряным и бледно-синим.

Возможно, я просто эстетствую на пустом месте, а быть может, люблю яркие краски увядания, столь близкого мне с тех пор, как господа из Скваген-жольца так не вовремя заявили за мной в одну из ненастных весенних ночей семь с половиной долгих лет назад.

— Мы опаздываем, — напомнил Стэфан.

Я на ходу вытащил из кармана жилета часы на золотой цепочке, откинул крышку с памятной гравировкой, взглянул на тонкие, сотканые из огня, воды и воздуха стрелки:

— Нет. Времени полно.

— Опаздываем. Если ты не поторопишься, то пропустим скорый и вновь придется торчать час в том кафе, где тебе обычно подают отвратительный пережаренный кофе. А затем будем трястись в вагоне второго класса со всяким отребьем и нюхать паровозный дым, потому что окно опять заклинит.

— Эта неприятность случилась десять лет назад. Давно пора о ней забыть.

— У меня долгая память, молодой человек. Я служил твоему отцу, и деду, и прадеду пять с лишним сотен лет и помню каждый день этой службы.

— Прости, но не в моей власти отпустить тебя на волю прямо сейчас. — Я прекрасно чувствую намеки и недоговоренности.

— Да я и не прошу, — пробормотал Стэфан.

Амнис разрывался — с одной стороны, он давно жаждал отправиться в Изначальный огонь, чтобы присоединиться к своим — да чего уж там скрывать — и моим родичам, а с другой стороны, я не помню, чтобы он радовался от осознания того факта, что я когда-нибудь умру. Ведь главное условие освобождения духа из доставшейся мне по наследству трос-ти — смерть последнего потомка в той семье, которой он служит. То есть в данном конкретном случае последний потомок, лучэр Тиль эр'Картиа, — я.

— Ты слышал, о чем вчера говорили в летнем павильоне за пятичасовым чаем? — Старина Стэфан меняет темы так же легко и быстро, как я перчатки.

— Порази мое воображение. — Я прибавил шагу. — О чем, кроме предстоящих скачек, войне, дел в колониях и биржевых сводках, они могут говорить? О том, как помирить сынов Иенала с выходцами из Малозана? Или как выгнать из Пустырей скангеров? А быть может, речь шла о том, что Комитету по рассмотрению гражданства пора жить своим умом и поменьше мозгами мэра? Последний бунт, когда недовольные малозанцы порезвились в Прыг-скоке и разнесли три квартала, а затем полезли в Холмы, нашу городскую управу явно ничему не научил. Я слышал, что ка-га и махоры недовольны тем, как движутся дела с наследованием права гражданства. На мой взгляд, Городскому совету стоит как можно быстрее разобраться с этим делом, если он, конечно, не хочет, чтобы в Дымке и Пепелке действительно были лишь дым и пепел. Фабрики Рапгару пока еще нужны.

— Нет. Совсем не об этом. Речь шла о том, что в районах Иных завелся пророк, мой мальчик.

— Очень интересно. Но неудивительно. В наше веселое время пророки лезут из-под земли быстрее митмакемов¹, испуганных затяжным ливнем над Королевством мертвых.

— Я склонен обратить на него твое драгоценное внимание, о мудрейший, по той лишь причине, что он несколько отличается от сонма остальных шарлатанов. — В голосе Стэфана звучали саркастические нотки.

— И в чем же его отличие, мой неугомонный дух? Неужели у него нет в копилке пророчеств о возвращении Великой

¹ От mitmakem (*увр.*) — восставший.

тьмы¹, кровавом дожде с темных небес, хищных жабах, гибели девственниц, возвращении сынов Иенала на родину и о том, что какой-нибудь скангер с помойки в скором будущем займет место Князя?

— Ты сегодня очень многословен, — укорил меня амнис. — Тебя настолько вывело из равновесия появление Клариссы?

— Скорее уж ее братцев-идиотов. С удовольствием выбил бы из них душу, — проворчал я, взяв шляпу за тулью и приподняв ее, когда мимо в открытой коляске проехала благородная дама, судя по всему, направляющаяся в Отумхилл. — Так что там насчет твоего пророка?

— Говорят, он за неделю предсказал убийства, случившиеся в Яме.

— А... гибель тех двух господ, что заглянули в Квартал исполнения желаний. Судя по заголовкам газет, там поработал мясник. Надеюсь, предсказателем уже занялся кто-нибудь из Скваген-жольца. В наше время чудеса случаются слишком редко. Я готов поставить десять соуров² на то, что нет дыма без огня и пророк — тот самый убийца, о котором последние дни только и пишет «Время Рапгара».

— Быть может, так, а может, и нет. — Мне не удалось смутить Стэфана. — В этом городе слишком много психов, способных на жестокие поступки. Одних крупных сект и тайных обществ больше двадцати, не говоря уже об обычных выходцах из таких райончиков, как Яма и Ржавчина. Про жителей Пустырей я и вовсе умолчу.

— Что еще поведал славному городу господин пророк?

— Если честно, я слышал лишь краем уха. Ты увидел Клариссу и покинул павильон.

— Какая досада, — проворчал я, свернув с центральной дороги на тропинку, которая должна была привести меня к железнодорожной станции.

¹ В е л и к а я т ь м а — период власти предков лучэров (Всеединого) на земле с момента их прихода вместе с кровавым дождем и до возвращения в Изначальное пламя.

² С о у р — старая монета Рапгара, почти утратившая хождение. Также называлась Двойным Князем за изображение главы государства на двух сторонах. Чеканилась из золота высшей пробы (содержание не менее 98 процентов), весила 38,5 грамма.

Времени до «Девятого скорого» действительно оставалось немного.

— Но, судя по разговорам за чаем, это только начало. Убийства продолжатся.

— Печально.

Я совсем не бесчувственный, но меня и вправду несколько не заботило, что какой-то обожравшийся корней лунного дерева¹ больной выпотрошил двух господ, решивших вкусить от греховного яблока удовольствий. Яма есть Яма, и те, кто решает спуститься туда, всегда должны помнить, что можно и не подняться. Разумеется, этот западный район Рапгара не так жесток и опасен, как Пустыри, Город-куда-не-войти-не-выйти или Место, но и здесь можно найти приключения на свою голову.

Убийства в Яме происходят регулярно, что и неудивительно с таким-то перенаселением, но газетчики ухватились именно за последние, похожие друг на друга как две капли воды. На тот свет отправилось отнюдь не отребье с помойки, да еще крови оказалось слишком много, что несколько нехарактерно для живущих здесь преступников. Я бы сказал — излишне кровавое предприятие вышло у неизвестного господина. Словно он — год голодавший людоед тру-тру. Уверен, что теперь, пока в городе или в мире не случится ничего более интересного, все внимание прессы будет приковано к Яме.

Думаю, местные вряд ли рады тому, что их улицы переполнены синими мундирами Скваген-жольца. Жандармов в этом районе Рапгара никогда не жаловали.

Я поднял трость, отодвинул в сторону возникшую на пути ветку, огляделся по сторонам.

Солнце уже успело подняться над покатыми живописными холмами, и теперь его лучи били сквозь желтую листву лип. На пожухлой траве и тонких паутинках все еще сверкали редкие капельки росы. Под каменной кладкой, ограждавшей старое поле и тянущейся с правой стороны от тропы, какой-то зверь, скорее всего бездомный пес, пытался выкопать

¹ Корень лунного дерева — священная пряность мяурров, которую используют во время ритуалов, посвященных Лунной кошке. Для других рас порошок из этого растения является сильным, а зачастую и смертельным галлюциногеном.

нору, но так и бросил ее, едва начав. Прямо, сразу за рябинами, ягоды которых уже налились оранжево-алым цветом, виднелся шпиль церкви Всеединого.

До городка было рукой подать. Я отправился в путь, думая о том, что, возможно, стоит наконец переехать в провинцию, подальше от огромного Рапгара и пожить в свое удовольствие с месяц, полюбоваться пасторальными пейзажами, пока не закончилась осень. И тут же сам себе сказал, что ничего из этого не выйдет. Огромный город — словно спрут, исчадие Изначального огня, запустившее щупальца тебе в душу. Если уж схватил, то не жди, что отпустит.

Рапгар моя родина. Я люблю его и ненавижу всем сердцем, и никуда из него не денусь. Но я ведь могу потешить себя иллюзиями, что он не властен надо мной, правда? Как говорит Стэфан — никто не может быть счастлив без иллюзий. Они необходимы для нашего счастья не меньше, чем реальность.

Тропка пошла под горку, и я оказался на дороге, теперь уже другой, идущей от Лайнсви́гга — маленького пчеловодческого хозяйства в двух милях от Отумхилла — и входящей в городок с западной стороны. Следуя по ней, я окажусь на станции много раньше запланированного срока. Не хочу опаздывать, иначе моя говорящая трость снова напомнит мне о том, что отпустить коляску было плохой идеей.

— Опоздаем, — буркнул амнис, словно читая мои мысли.

— Лучэры никогда не позволяют себе опозданий, — возразил я ему. — Это неприлично и недостойно истинного чэра. Лучэры предпочитают приходить в удобное для них время.

Услышав свои собственные слова, сказанные, когда мне было то ли восемь, то ли девять лет, Стэфан довольно кашлянул и на время успокоился, решив предоставить мне право донести его до поезда.

На этой дороге было еще более пустынно, чем на прежней, — я шел в полном одиночестве, не беспокоясь о том, что следует идти по краю, уступая путь всадникам и экипажам. И те и другие были редкими гостями в сельской местности. Куда уж проще здесь встретить корову, или козу, или ко-

го-нибудь из маленького народца, чем дормез¹ или регулярный дилижанс.

Я подошел к церкви — суровому темному сооружению, сложенному из грубого, плохо отесанного серого камня, с черной черепицей на крыше, узкими высокими окнами с витражами и ребристым семиграным шпилем, увенчанным алым, горящим и днем и ночью знаком Изначального огня Всеединого.

За церковью, примыкая к дороге, располагалось маленькое кладбище с аккуратными, ухоженными могилами и белыми памятниками. Над тремя дальними надгробиями висели два черных и один янтарный погребальные огоньки² — дыхание Изначального огня, места, куда ушли умершие лучеры.

Я остановился на несколько мгновений, думая о том, что этот теплый свет над кладбищем — единственное, что остается от таких, как я, после смерти, а затем, спустя пару сотен лет, и он исчезнет, растворившись в мире, словно призренный морок.

— Раньше, при другом святом отце, здесь жил митмакем.— Стэфан счел, что стоит нарушить затянувшееся молчание.— Иногда вылезал во-о-он из того склепа, что у старой рябины, и бродил в окружении мух. Любил проказничать у дороги и пугать запоздалых путников.

— От такой неожиданности можно и в могилу слечь,— усмехнулся я, представив того, кому вид живого покойника был в диковинку.

— И ложились.

— А что же алые мундиры Скваген-жольца?

— У них в Рапгаре забот полон рот. Митмакем нарвался на пикли. Тот его и поджарил своей электрической молнией, а вместе с ним и святого отца, что приютил беглеца из Королевства мертвых.

— Сурово. Покойник нашел с кем связываться. У пикли отсутствует чувство юмора.

¹ Д о р м е з (от *фр.* dormouse — букв. соня) — комфортабельная карета со спальными местами.

² Цвет погребального огонька зависит исключительно от цвета глаз умершего лучера: красный, янтарный, пепельный, индиго, зеленый или черный.

— Зато имеется то, за что их терпят в многонародном Рапгаре — цвет жизни, источник прогресса и процветания...

— Можно ограничиться более коротким эпитетом — электричество. Новый бог Рапгара, прости меня за столь кощунственные слова.— Я миновал кладбище, вошел в городок и снова обратился к амнису: — Тропаеллы¹ головастые ребята, раз додумались, как использовать таланты пикли на благо города. Одно слово — изобретатели.

Стэфан кивнул:

— Прапрадеду нынешнего Князя стоит сказать спасибо, что он разрешил растениям жить на территории столицы. Конечно, поначалу результат был нулевой, но за последние сто лет огромный прогресс — масса открытий.

— Удобства растут, а мир портится,— заметил я, посмотрев на часы маленькой ратуши.— Многие уже говорят, что пора срубить тропаялл под корень прежде, чем они придумают оружие, которое уничтожит этот мир.

— Ну полно! — не согласился Стэфан.— Секта Детей Чистоты слишком малочисленна, чтобы собраться с духом и взяться за топоры.

Тут он прав. Идиоты, ратующие за возвращение в темные века, когда никакого прогресса не было, а люди жили в единении с природой (считай, в лесу, грязи, пещерах и без надежды на теплую воду из труб), — слабы, и жителям Больших голов не угрожает ничего, кроме слов. Но рано или поздно отыщется храбрый придурок и придет если не с топором, то с бочкой пороха, и тогда во все стороны полетят сначала щепки, а затем и головы.

В Рапгаре всегда найдутся те, кто недоволен друг другом. Кому-то не нравятся люди, кому-то ка-га, кто-то не выносит завью или фиосс, а кто-то ненавидит лучэров. Нам всем приходится лавировать, словно мы тяжелые паровые броненосцы из флота Князя, запертые в узкой бухте. И не дай Всединый зацепить друг друга — тут же начнется пальба, в результате которой кто-то может пойти на дно.

Расовая нетерпимость въелась в кости жителей Рапгара, и вытравить ее не получится ни цивилизацией, ни несущимся скачками прогрессом.

¹ От *лат.* Tropeolum — настурция.

Запах черной смолы, идущий от шпал, резкий, но тем не менее приятный, окутывал маленький вокзал благоухающим коконом, словно дорогие духи жвилья утонченную модницу. Часы, висящие здесь — с белым циферблатом и острыми, похожими на копыя стрелками, вели обратный отсчет. Ка-га гордились своими скорыми поездами — те всегда, во всех без исключения случаях, приходили вовремя.

До «Девятого скорого» оставалось чуть больше десяти минут.

Я прошел по деревянному перрону в вокзальную кассу, возле которой не было ни единой души, и купил билет в первый класс, получив пожелание доброго пути от седовласой старушки-кассирши, закутанной в белую пушистую шаль.

На перроне находилось всего несколько пассажиров, они топтались в самом начале, где должны остановиться вагоны третьего класса. Все были людьми.

Мимо меня прошел пожилой начальник станции. На его синем сюртуке важно поблескивали золоченые пуговицы. Заметив мои глаза и поняв, что перед ним лучэр, он вежливо приложил руку к плоской фуражке с лакированным козырьком.

В тени, под газовым фонарем, сейчас погашенным, сидел чистильщик обуви. Увидев меня, он оживился. За несколько сцелинов юноша начистил мои остроносые туфли, запылившиеся за время пешей прогулки, до зеркального блеска. У мальчишки, продающего газеты, я купил свежий номер «Времени Рапгара» и, свернув газету в трубку, подошел к краю платформы, привлеченный суматошным цыплячьим писком.

На чугунных рельсах царило суетливое оживление — делегация маленького народца встречала поезд. Эти разнообразные создания, которых не счесть по количеству типов и разновидностей, были поражены прогрессом куда больше всех остальных. Паровоз ка-га они считали чем-то вроде огромного и ужасного божества. Поэтому частенько собирались маленькими демонстрациями, выбирались на рельсы, чтобы приветствовать гремящее чудовище, и, разумеется, гибли десятками, раздавленные многотонной машиной и ошпаренные паром. Никто не собирался экстренно тормозить из-за каких-то безымянных блох, выбравшихся на пути.

Малыши по случаю торжественной встречи обрядились в

парадные наряды, сплетенные из цветов и травы, а малышки напялили свои лучшие платица, сотканые из дымчатой паутины и обрывков одежды огородного пугала. Один кудрявый карапуз не нашел ничего лучше, как проделать в коробке из-под махорочного табака «Магарский ванильный» отверстия, просунул туда руки и ноги и, очень гордый собой, махал разноцветным флажком.

— Могучий дымледым! Шипящий паропар! — пищали они, прыгая кто во что горазд. — Трясущий рельсход! Гремящий чух-чух-чух! Великий ту-ту-ту!

— Эй! Вы! — сказал я, подобрав самый грозный и сердитый из множества своих голосов. — Уходите прочь! Немедленно!

Они тут же притихли. Одна из малышек, с пурпурными стрекозиными крылышками, ойкнула и упала с рельса. Остальные тут же опустили флаги, цветы и серебристые конфетные фантики. Все воззрились на меня, раскрыв рты, словно кролики на удава.

— Живо! — прикрикнул я, для остротки сверкнув глазами.

Несколько козьяков начали расстроено хлюпать носами, а та, у которой юбочка была сшита из желтого березового листочка, разревелась.

— Ну во-о-о-от, — расстроено пропищал кудрявый паренек в коробке из-под махорки, кажется, самый главный в этой компании.

Он чихнул, вытер курносый красный нос кулачком и с трудом слез с рельса. Следом за ним, ревя точно белуги, потянулись все остальные.

— И чтобы я вас здесь больше не видел! — крикнул я им вслед. — Ни сегодня, ни завтра, никогда!

Они не ответили и, шурша, словно мышки, скрылись в сухой траве.

— Какое тебе дело до этой мелочи? — спросил Стэфан.

— Не хочу, чтобы у меня на глазах в небытие отправилось больше трех десятков душ.

— Тоже мне души, — проворчал амнис. — Всех в один наперсток уложить можно и другим накрыть. Не понимаю я этих таракашек. Не могут найти себе более легкий способ для самоубийства? Вечно лезут то под поезд, то под трамвай, то на провода пикли.

— Они слишком наивны, добры и доверчивы, чтобы понимать, какую опасность представляют все эти штуки,— вздохнул я, отходя от края.

Я люблю маленький народец. Во всяком случае, большинство из них. Мне неприятно видеть, как погибают эти создания Всеединого. В последние годы их смерть превратилась почти в стихийное бедствие, но окружающим ровным счетом плевать на какую-то едва видимую под ногами мелюзгу, когда есть дела поважнее и крупнее.

Семь с половиной лет назад я думал примерно так же, но шесть лет размышлений и лицемерия печати Изначального пламени в корне поменяли мою точку зрения. Я понял, что любое дело важно, даже самое мелкое и, на первый взгляд, незначительное. Маленький камешек тянет за собой в пропасть огромные глыбы, и от такого камнепада невозможно укрыться.

Банальный пример? Возможно. Спорить не буду. Вот только моя цель в жизни сейчас зависит не от глыб, а от мелочей. И когда я их наконец-то обнаружу, буду надеяться, что случившийся камнепад похоронит под собой тех, кто так ловко и без спроса перекроил мою жизнь.

Из-за поворота показался поезд. Черный четырехцилиндровый паровоз с выписанными на боках алыми молниями и алыми колесными центрами, пыхтя и сопя, легко тащил за собой вереницу вагонов — синих, зеленых и желтых¹, выплевывая в чистый воздух клубы черного угольного дыма.

— И вот он сошел с небес в пару и дыму, сыпля искрами и воя, точно вырвавшийся из Изначального огня низший,— продекламировал Стэфан.

— Какая-то запрещенная книга? — полюбопытствовал я.

— Речь Князя на предпоследнем военном параде, повествующая о том, что Рапгар не собирается отказываться от своих дальних колоний в угоду шейху Малозана,— рассмеялся амнис.

— А... — протянул я, разом потеряв всякий интерес к цитате.

Поезд, уже полностью сбавив ход, шипя, прополз мимо

¹ Класс вагона определяется его цветом: желтые — первый класс, синие — второй, зеленые — третий.

меня, и я прочитал на двери будки машиниста белые буквы: «Рапгарская северная железная дорога. № 9. Скорый».

Вагоны с лязгом остановились, начало платформы окутало клубами белого пара, и люди посторонились, пропуская выбравшегося из тендера с углем махора. Гигант, измазанный черной пылью от макушки до пяток, сопя, подошел к подводе, на которой его дожидались деревянные ящики. Увалень посмотрел на них, задумчиво пожевал тяжелыми челюстями, почесал одну из двух своих рогатых голов и повернул ее за разъяснениями в сторону паровоза.

Из будки высунулся длиннющий, похожий на гнилую волосатую морковку нос ка-га, обложил помощника трехэтажным загибом, смысл которого заключался в том, что пора отправляться, и вновь скрылся. Махор тяжело, словно слон, вздохнул, повел могучими плечами, подцепил первой парой рук сразу половину груза, а второй — другую половину и, пыхтя от натуги, грузно зашагал к паровозу. Доски перрона под его увеличившимся весом жалобно скрипели.

Я направился к своему вагону — одному из двух, предназначенных для первого класса. На этой станции я был единственным пассажиром, решившим путешествовать до Рапгара с комфортом.

Кондуктор-мяурр, увидев меня, снял фуражку, предупредительно поклонился, блеснув посеребренными усами:

— Пожалуйте, чэр. Я провожу вас до вашего мрряуеста. Следуйте за мной.

— Благодарю вас.

Я прошел за Полуденным¹, гадая, за что его лишили хвоста. Сын Луны² мог сделать это по массе причин, но верной я так никогда и не узнаю, потому что спрашивать о подобном, даже если перед тобой слуга, невежливо.

В вагоне оказалось шесть купе, мое было четвертым. Кот распахнул дверь из орехового дерева, отошел в сторону, пропуская меня.

— Чэр позволит взглянуть на его билет?

¹ П о л у д е н н ы й — изгнанный из прайда за какой-либо серьезный проступок мяурр (в том числе за отказ от истинной и единственной веры в Лунную кошку или же запятнавший себя недостойной работой). Для семьи прайда такой мяурр больше не существует.

² С ы н Л у н ы — глава всех прайдов. Обычно самый старый и мудрый кот.

Я сел на кожаный диван, молча протянул розовую карточку, на которой золотыми буквами была оттиснута девятка с крылышками. Кот достал из футляра, висевшего у него на поясе, серебряные щипчики и пробил корешок.

— Спасибо, чэр. Поезд прибывает на Центральный вокзал без четверти одиннадцать. Если вам что-нибудь понадобится, просто сообщите мрряуне.

Глава 2 ПО СЕВЕРНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Не успел я разместиться, как прозвучал сигнальный рожок начальника станции, извещающий об отправлении. Спустя секунду раздался длинный паровозный гудок, и поезд тронулся. Я смотрел в окно, наблюдая, как картинка за стеклом все больше и больше сдвигается, проваливаясь назад.

Вот промелькнула платформа, белые домики с алой черепицей, яблоневые сады, и начались желто-охряные, уже убранные поля, изредка перемежающиеся оранжево-алыми рощами. Мы набирали ход, с каждой минутой двигаясь все быстрее и быстрее. «Девятый скорый» на прямых участках пути и при хорошем угле развивал серьезную скорость, и дорога до Рапгара занимала намного меньше времени, чем если бы я воспользовался коляской.

Вагон мягко покачивало, и цветы в хрустальной вазе — темно-бордовые астры — кивали пушистыми головками в такт стуку колес. Купе первого класса было отделано ореховым деревом, покрытым золотистым лаком. Металлические поверхности сияли позолотой, хрустальный бар в углу искрил гранями, когда внутрь заглядывали солнечные лучи.

Здесь было просторно, два кожаных дивана с дутыми спинками напротив друг друга, закругленный стол, накрытый дорогой магарской скатертью, чуть дальше — дверь в душ, шкаф для одежды с резными дверцами, бар с напитками. Ради интереса я заглянул туда, оценил подбор хорошего дубового виски, вина кохеттов и жвилья, колониальный кокосовый ром высшего качества, по двенадцать фартов за бутылку, граппа в прозрачном графине и кальвадос. Я вытащил тем-

но-зеленую бутылку с узким хрупким горлышком, взглянул на сине-фиолетовую этикетку.

— Не рано ли начинаешь? — В голосе Стэфана сквозило явное неудовольствие.

— Даже не собирался.— Я стукнул ногтем указательного пальца по запечатанной пробке.— Чисто практический интерес. Кальвадос здесь подкачал. Короткая выдержка в дубовых бочках — слишком резок, на мой взгляд.

Я убрал напиток обратно в бар, закрыл хрустальную дверцу, на которой стекольщик вырезал райских птиц, сел обратно на диван, бросив мимолетный взгляд на свою трость, расположенную в специальной подставке, недалеко от стола.

Черное лакированное эбеновое дерево, серебряные кольцеобразные вставки для усиления конструкции и тяжелая серебряная рукоятка-набалдашник в виде головы сварливого старикана. Лысый череп, хитрющие глазки, кустистые брови, острый нос и костлявый подбородок. Старина Стэфан предпочитает именно этот образ, хотя у него в рукаве есть еще несколько, но пользуется он ими крайне редко. Что бы там амнис ни говорил о том, что ему, духу, рожденному Изначальным пламенем, претит физическая оболочка, он очень трепетно относится к своему внешнему виду и несколько раз заставлял очищать металл от черного налета. Мол, тот придаст его облику излишне неряшливый оттенок.

Трость, заботящаяся о том, как она выглядит,— вполне обычная вещь в нашем сумасшедшем мире.

Я прошел мимо зеркала, которое на мгновение отразило чэра лет тридцати, с темными, несколько длинными для нынешней моды волосами и пепельно-серыми глазами, облаченного в светло-серый костюм-тройку. Узел на шейном платке немного изменил форму, и я вернул его в прежнее состояние, про себя отмечая, что веки у меня сегодня слишком красные, а морщинки в углах глаз предупреждают любого, что я вот-вот готов рассмеяться, хотя это и не так.

Многие, особенно незнакомые, глядя на мое лицо, считают меня неплохим и несколько ироничным парнем. Это впечатление усиливается, когда я начинаю говорить. Я не люблю повышать голос, и обычно это создает образ некой расслабленности и неопасности. Что меня вполне устраивает.

— Стоило взять с собой вещи, — отвлек меня Стэфан. — Хотя бы маленький дорожный саквояж.

— К чему? — удивился я, откидываясь на приятную кожаную спинку. — Предпочитаю путешествовать налегке. Позже пришло кого-нибудь за ними к Зинтринам.

Я развернул «Время Рапгара»... В отличие от многих, я предпочитаю начинать читать утренние газеты с последней страницы, той, где публикуют некрологи. На мой взгляд, любая, даже самая горячая новость часа, включая внезапную кончину Князя, или очередное восстание в очередной колонии, или находку очередных сапфировых приисков, может подождать, в отличие от смертей жителей Рапгара.

У меня в этом свой интерес. Я все еще продолжаю надеяться увидеть в списках трех братьев Клариссы, чэров Патрика эр'Гиндо, Мишеля эр'Кассо и чэру Фиону эр'Бархен — членов справедливой Палаты Семи¹, господ старших инспекторов Грея и Фарбо, а также ублюдка Шольца из «Сел и Вышел». Ну и безымянного садовника, будь он проклят Изначальным огнем за погубленную поляну анемонов, что росли возле моего дома с момента основания Рапгара.

Кажется, никого не забыл.

— Ничего? — Стэфан был в курсе моих привычек и моей ненависти.

— Ничего, — холодно ответил я и прочел, подражая ленивому голосу Данте, когда тот цитирует фразы из скучной книжонки: — «Добрый сын», «хорошая сестра», «любящий муж». Ни одного мерзавца, подлеца и труса. Эти господа все еще имеют честь дышать воздухом Рапгара в совершенно возмутительных количествах.

Он усмехнулся.

— Что? — тут же спросил я, отрывая взгляд от строчек.

— Ты как хаплелма², мой мальчик. Только жители Паутинки могут столь терпеливо выжидать в засаде. Прошло пол-

¹ Палата Семи — организована Князем и подчиняется исключительно ему. Является высшим судом для лучэров, неподсудных обычным городским судам, а также одной из ведущих политических сил, способных с разрешения Князя влиять на процветание государства и дипломатические отношения с другими странами. В состав Палаты входят семь лучэров из высшей знати Рапгара. Распоряжениям Палаты Семи подчиняются мэр, Городской совет и серые жандармы Скваген-жольца.

² От *лат.* *Nauploelma lividum* — кобальтовый птицеед.

тора года, но ты даже не щелкнул жвалами, словно тебе и дела нет до всего этого.

— И?...

— Ты сильно изменился. Перестал играть. Стал менее порывист и более осторожен. Слушаешь, наблюдаешь и не тревожишь гнездо фиосс. Такой, признаться честно, ты мне нравишься больше, чем прежний. Становишься похож на своего деда. Он тоже всегда ждал до последнего.

— Ну тебе лучше знать.— Я растянул губы в вежливой улыбке и вновь уткнулся в газету.

— Эта тактика не сработает, Тиль. Он не объявится,— вкрадчиво сказал амнис.

— Ты о ком?

— О том, кто за всем этим стоит. Иначе ты бы уже хоть что-то узнал. Выжидать он может дольше, чем ты.

Я пожал плечами, скользя глазами по ставшим вдруг невидимыми строчкам. Не хочу и не буду верить в это, иначе моя и без того хлипкая надежда обернется прахом. Порой, просматривая некрологи, я начинаю думать: а вдруг это он, здесь, среди черных букв, оттиснутых на дешевой бумаге печатной машиной? Что гнусная сволочь спряталась за «любящим отцом», или «верным другом», или «храбрым офицером», а я даже этого не узнаю и так и останусь ни с чем. В такие минуты я начинаю испытывать нехарактерные для меня приступы страха.

— Считаешь, что я не прав? — Стэфан не стал отказываться от разговора.

— Верно. Так я и считаю.— За окном плыли пушистые облака и мелькали золотистые деревья.— Потому что семь с половиной лет назад он уже сделал свой ход. Отступить и прятаться поздно. Его ищу не только я. Верю, что Князь лично заинтересован в поисках виновного, а значит, серые ищейки Скаваген-жольца работают.

— Тем более. Ты хочешь опередить профессионалов?

— Я? Ничуть,— солгал я.— Что касается их умения работать — сомневаюсь, что они смогут найти искомое по остывшим следам, раз у них не получилось это сделать по горячим. Впрочем, давай закроем тему. Она мне неприятна.

— Как тебе угодно.

Я начал листать газету задом наперед, словно какой-то малозанец.

— Что интересного пишут? — Стэфан всегда был жаден до новостей.

— «Команда университета Йозефа Кульштасса в третий раз подряд выиграла соревнования по академической гребле у университета Маркальштука, проплыв по каналу Мечты от залива Тихой стоянки за рекордное время. Победители отправятся на мировое спортивное студенческое первенство защищать честь родного города», — прочел я спортивную колонку под рисунком восьмерки обнимающихся гребцов.

— Ну да. Ну да. Махать веслами — все же не мозгами шевелить. Лучше бы учились, бездельники!

— Ты похож на сварливого старика.

— Я и есть старик. А от такой жизни вполне можно стать сварливым. Там о грядущих беспорядках и драках в Старом парке между студентами враждующих университетов ничего не сказано?

— Ни строчки, — серьезно ответил я ему.

— Так я и думал. Помяни мое слово, Тиль. К вечеру случится грандиозная буча. Опять побьют все фонари.

— Лучше фонари, чем лица. После предыдущих соревнований было шестеро или семеро погибших болельщиков.

— Это если не считать десятка тех, кто застрелился, проиграв пари, — подхватил Стэфан. — Давно пора запретить все эти игрища. Или же отправить оболтусов на Арену. Если умрут, то с толком.

У амниса было свое мнение о некоторых спортивных состязаниях.

— Кстати, что там с Ареной? — оживился дух. — Сезон ведь открывается на следующей неделе! Не хочешь приобрести билет? Я с интересом окунулся бы в боевой азарт и поболел за Крошку Ча.

— Прости мне мою необразованность, но кто такая Крошка Ча?

— Ты словно и не лучэр. Совсем перестал интересоваться популярными азартными играми. Крошка Ча — это он. Лучший управляющий паровой машиной за всю историю Рапгара. Победил всех соперников. Он уже пять лет является абсо-

лютным чемпионом. Никто против него и не ставит, хотя, если он когда-нибудь проиграет, кто-то озолотится.

— Вам, амнисам, только и надо, что потратить немного фартов ваших хозяев,— неодобрительно сказал я.

— Азартные игры у нас в крови,— не стал отрицать Стэфан.— Но ты же знаешь, мой мальчик, я этим не злоупотребляю.

— В отличие от моего брата,— нахмурился я еще сильнее.

— Не хочешь с ним поговорить?

— Нет. Ты же знаешь, чем обычно заканчивается подобное. Мой кошелек скудеет на пару десятков фартов. Виктор обладает уникальной способностью вытягивать деньги из родственников и спускать их в одночасье.

— Может, начнешь читать с первой страницы? Там все самое интересное.

— И не подумаю! Как тебе новость? «Вчера Городской совет выступил с заявлением, что дьюгони смогли полностью восстановить городскую дамбу, частично поврежденную после весенних паводков и поднятия уровня воды в озере Мэллавэн. Угроза затопления для западных районов Рапгара миновала». Нет, ты слышал? Если бы дамбу прорвало, то половину города смыло точно. Уровень воды в озере выше, чем в море, футов на восемьдесят. Если что и уцелеет, то лишь Холмы да Каскады.

— Что ты хочешь от Городского совета? — делано удивился Стэфан.— Ляпни они что-нибудь неутешительное, и мэр бы раскатал их быстрее, чем Палата Семи раскатала бы его. Дьюгони работали очень неспешно — почти четыре месяца. Если бы летом начались затяжные дожди, как три года назад, дамба могла и не выдержать.

— Ну дьюгоням это как раз все равно. Вода — их стихия. И они не слишком довольны политикой мэра. В последнее время заводы и фабрики Копоти, Сажи, Дымка и Пепелка сбрасывают им в воду кучу дряни. Они уже несколько раз подавали протест в Городской совет.

— Толку-то? — фыркнул амнис.— У детей рыб ограниченное гражданство. Их никто и слушать не станет.

Я посмотрел в окно — мы замедляли ход, подъезжая к очередной станции.

— Они не рыбы, кроме того, Глас Иных и Народная палата¹ на их стороне. И ты не прав, что их не станут слушать. Я уверен, что дамба повредилась не просто так. Несложно предположить, что на этот раз дьюгони ее не доломали. Следующая попытка будет удачнее. Если затопит Кошачий приют, мяурры поднимут такой вой, что даже владельцам фабрик придется прислушаться. Если не к ним, то к Князю. Он благоволит котам. Так что давно пора проводить сливные трубы через Соленые сады в реки.

— По мне, так уж сразу в грунт к тропееллам. Тогда цветочки мгновенно придумают, как очистить грязную воду от мусора.— Амнис рассмеялся дребезжающим смехом.

На станции мы стояли всего ничего, поезд вновь тронулся, и я углубился в чтение.

— ...Что еще интересного? — не выдержал Стэфан минут через тридцать.

— Смотри-ка. Через месяц в город приезжает оперный театр жвилья. Ожидается аншлаг.

— Неужели тебе это интересно? Особенно после той интрижки с балериной? — изумился он.

— Не слишком. Точнее, совсем неинтересно. Но к этому событию обещают наконец-то дотянуть трамвайную ветку до Маленькой страны. А вот это уже куда важнее! — Я перелистнул страницу.— Обострение дипломатических отношений с Малозаном. Очередной виток.

— Кирус? — тут же догадался амнис.

— Верно. Кирус. Попросил у Рапгара помощи в защите веры от малозанских фанатиков. Здесь не хотят поклоняться солнцу. Князь ввел на остров Двадцать четвертый полк легкой пехоты, Семнадцатую роту магической безопасности и отправил к берегам союзника Второй флот. В том числе и броненосцы «Пламя», «Светлячок» и «Чэра Мария-Александра».

— Да ну? Она же была возле Магара! В порту Кальгару.

— И малозанцы, наверное, так думали. И вот тебе сюрп-

¹ В состав Городского совета входят: Палата Благородных (лучеры, высокородные люди и военные), Народная палата (торговцы и избранные народом районов представители из числа людей), Палата Иных (представители других рас Рапгара, но не больше сорока процентов от Народной палаты).

риз: недалеко от их берегов — три тяжелых корабля. Того и гляди пальнут по дворцу шейха.

— Как ответил Малозан?

— Пока никак. — Я дочитал заметку, завершившуюся слащавой патриотической чушью. — Но южане непременно обидятся на ввод наших войск и устроят какую-нибудь пакость. Кирус — свободное государство, а не наша колония. Так что действовать следует ювелирно. Не уверен, что наши военные справятся. Вполне возможно, что к зиме начнется война.

— Вся эта защита веры — жалкое прикрытие. И Рапгар, и Малозан порвут глотки за черную кровь, найденную в белой земле острова.

Это точно. Кирус лет четыреста находился под протекторатом южной империи, пока отец нынешнего Князя не посоветовал прежнему шейху отвалить в свою пустыню, к финиковым пальмам, подобру-поздорову. Наши колониальные войска быстро переломили упрямство малозанца, и с тех пор остров свободен и независим, хотя многие его и называют негласной четырнадцатой колонией Рапгара.

Но год назад в горах Кируса нашли то, что назвали черной кровью. Не знаю, что это за дрянь, возможно, она осталась еще с того времени, когда мир населяли предки лучэров, но обнаружили ее исключительно в одном месте — на маленьком острове посреди Срединного моря.

Тут же пошли слухи, что тропеаллы, едва увидев черную кровь, отложили пору цветения на неопределенный срок, заперлись в лабораториях Больших голов и корней с чашелистиками оттуда не кажут. Либо нас в скором времени ждет очередной виток прогресса, от которого и так уже некуда деваться, либо я ничего не понимаю в этой жизни.

Маги тоже заинтересовались неизвестной субстанцией и уже успели сообщить, что потенциал некоторых заклинаний, в особенности тех, что запрещены Палатой Семи и разрешены лишь некоторым Благородным чэрам и алым¹ жандармам, при использовании черной вонючей жижи увеличивается вчетверо.

¹ В Скаваген-жольце существует три отдела. Синий — расследующий обычные преступления, серый отдел — занимающийся политическими правонарушениями, и алый — занимающийся магическими нарушениями закона.

Разумеется, Малозан тоже захотел припасть к новому источнику власти и могущества, вновь заявил территориальные претензии на остров и начал подтягивать к морским границам крылья армий, впрочем пока избегая открытых нападок и ограничиваясь завуалированными, дипломатическими, оскорблениями.

Эта возня меня не слишком интересовала, поэтому я не стал читать мнения авторитетных людей и уважаемых жителей города и добрался до первой страницы. Где-то минуту изучал огромную надпись с кучей восклицательных знаков, затем с мрачным видом показал ее Стэфану:

— Твой пророк был прав, старая ворона. Все только начинается. Убийца и не думает успокаиваться. Его уже называют Ночным Мясником. Сегодня произошло третье убийство. И ты не поверишь — он все-таки выбрался из Ямы.

— Где? — односложно спросил амнис.

— Восток Соленых садов. Парень, кем бы он ни был, решил не сидеть на месте и отправился в путешествие по Рапгару. Если жандармы его не поймают, он того и гляди доберется до Небес или Золотых полей. Погиб... опять благородный господин. Имя не сообщается. Какое чувство такта! Не думал, что оно есть у наших газетчиков.

— Возможно, кто-то известный. Думаю, еще пара смертей, и серые мундиры Скваген-жольца возьмут под контроль прессу, иначе начнется паника.

— Все к этому и идет. А вот это уже интересно! Слушай. «Как сообщает достоверный источник, рядом с телом убийца оставил некую надпись, но представители западного отдела Скваген-жольца, в том числе и старший инспектор Грей, ведущий это дело, по поручению начальника жандармерии чэра Гвидо эр'Хазеппа отрицают такую информацию. Наш журналист видел, как несколько жандармов несли воду и краску, чтобы смыть надпись, хотя официальные лица Скваген-жольца отрицают и это, отмечая, что воду и краску использовали, чтобы удалить кровь и не пугать местных жителей. Нам остается лишь догадываться о том, какое послание оставил Рапгару жестокий убийца и почему власти скрывают его от общественности».

— Грей ведет дело? Они не найдут даже объедков! Правда,

меня больше интересует, не что написал убийца, а как он убил,— заявил Стэфан.

— Говорю же, ты слишком кровожаден. Даже для амниста.— Я, потеряв интерес к газете, бросил ее на стол и встал, решив догулять до вагона-ресторана, находившегося по соседству с моим вагоном.

Разумеется, можно было заказать еду и сюда, но я не люблю попусту гонять людей и Иных, когда что-то можно сделать самому.

В коридоре меня едва не сшибли с ног. Два господина неслись по проходу со скоростью летящего в пропасть паровоза. Один очень походил на представителя народа жвилья — нос с горбинкой, карие глаза и тонкие губы. Одет он был куда лучше, чище и изысканнее своего товарища. Во всяком случае, у меня не полезли глаза на лоб от сочетания несочитаемого. Чего я бы не сказал о его приятеле. Клетчатый потертый пиджак, ало-фиолетовый галстук, желтая рубашка и шляпа, на которой, казалось, основательно потоптался какой-нибудь махор, а может быть, слон.

Мужчина с потным красным лицом втоптал бы меня в ковер, если бы я не успел посторониться. Он, явно разочарованный тем, что случайная жертва ускользнула от него, буркнул в мой адрес нечто нелестное. Жвилья, немного запыхавшись, снял на ходу шляпу, и извиняясь, вежливо улыбнулся:

— П'остите моего д'уга, чэ'. Он поте'ял кошелек.

Когда он говорил это, его темные глаза были холодными, колючими и отнюдь не вежливыми, в отличие от его слов. Я знавал такие взгляды — успел повидать их у некоторых заключенных во время своей кратковременной экскурсии в рапгарскую тюрьму. Здесь главное — следить за руками такого человека. Стоит зазеваться — и кусок стали войдет тебе в печень, почку или шею.

Они появились и исчезли, словно выбравшийся из трущоб тру-тру. Я пожал плечами и, тут же забыв о них, дошел до ресторана, выпил кофе и вернулся к себе в купе, где Стэфан начал ворчать, что хочет спать.

Здесь меня насторожил странный шорох из шкафа. Я нахмурился. Крыса в вагоне первого класса — редкое явление. Резко распахнув дверцу, я едва избежал удара стилетом в

грудь, отпрянув в последний момент и перехватив тонкое запястье.

Не слишком церемонясь, я рванул руку напавшего книзу, одновременно выкручивая ее, и услышал жалобный вскрик. Пришлось выволочь содержимое шкафа на свет, чтобы рассмотреть того, кто едва не испортил мой пиджак и все, что находится под ним.

«Содержимым» оказалась молодая женщина.

Ее заплаканное лицо было искажено болью, отчаянием и страхом. Впрочем, когда она разглядела меня, там появилась и еще одна эмоция — неземное удивление.

— О Всеединый! — прошептала она. — Вы не они!

— Очень своевременное наблюдение, — сказал я, забирая из ее разом расслабившейся руки стилет. — Не знаю, кого вы ожидали повстречать в моем шкафу, но их здесь нет.

Стэфан благоразумно молчал.

— Отпустите, — попросила девушка и добавила совсем жалобно: — Больно.

Я поразмыслил над ее предложением и, решив, что хуже уже точно не будет — вряд ли в ее сумочке можно спрятать что-то крупнее пилочки для ногтей, — разжал пальцы.

— У вас медвежья хватка, — сказала она, все еще стоя на коленях и растирая запястье. — Простите, чэр. Мне нет оправдания за это нападение. Я увидела, что купе открыто, и подумала, что оно пустует. Я... я... мне нет оправдания... позвольте мне уйти.

Она бросила затравленный взгляд на дверь, ведущую в коридор. Было件нятно, что выходить туда ей очень не хочется. Мое решение созрело мгновенно:

— Садитесь, — указал я на диван. — На полу холодно.

Девушка поколебалась, нервно коснулась красивой булавки в виде химеры, приколотой к ее жакету, но приглашение приняла, присев на самый краешек.

— Кто вы, чэр?

— Извините мои плохие манеры, леди. Я не успел представиться. — Я постарался, чтобы в моем голосе не было иронии. — Мое имя Тиль эр'Картия.

— Эрин.

— Эрин? — Я поднял брови, подразумевая, что должно быть еще.

— Просто Эрин,— сказала она и разрыдалась.

Этого еще только не хватало! Когда начинают плакать женщины, я чувствую себя совершенно беспомощным.

Я протянул ей свой носовой платок и позвал кондуктора, спрятав стилет под газету. Мяррр вопросительно посмотрел на всхлипывающую незнакомку, затем на меня, ожидая разъяснений.

— Эта леди — моя гостья. Пожалуйста, принесите ей чаю и какое-нибудь пирожное.

У него хватило чувства такта не проверять ее билет, решив заняться этим несколько позже. Кот вернулся меньше чем через минуту с подносом, на котором стоял чайник, чашка с блюдцем, кувшинчик с молоком, сахарница и нечто сладкое, воздушное и украшенное кремом — очередная кулинарная драгоценность от поваров жвилья.

Я дал кондуктору несколько фартов, что его полностью удовлетворило, так как кошачья рожа стала совершенно довольной, и он откланялся, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Пейте,— сказал я, наливая в чашку темного чая.— Это вас успокоит.

Эрин благодарно кивнула и улыбнулась. Улыбка у нее оказалась обворожительной. Да и сама девушка, несмотря на заплаканное лицо, надо отдать ей должное, была симпатичной. Утонченное личико с маленьким аккуратным носиком, большие, чистые, прозрачные голубые глаза, густые ресницы, на которых все еще блестели слезы. Карминовые губы казались чуть припухлыми, изящные каштановые завитки волос падали на лоб из-под очаровательной шляпки.

Фигура у этой невысокой прелестницы была преотличной, и со вкусом подобранная одежда лишь подчеркивала это. Узкая юбка-тальер плотно облегла бедра, расширяясь внизу наподобие лилии, консервативный жакет делал талию тонкой, подчеркивая грудь, а узкая сорочка с тугим воротничком и женским темно-кремовым галстуком давали простор для слишком неуместного воображения. Такого, как у меня, например.

— Мне до сих пор страшно. Ведь я едва не убила вас,

чэр! — Она поежилась, словно от зябкого ветра. — С моей стороны было очень необдуманно приходить сюда.

— От кого вы прятались? — поинтересовался я.

Девушка тут же помрачнела:

— От друзей моего жениха. Моего бывшего жениха. Я разорвала помолвку и сбежала за день до свадьбы, а они поклялись во что бы то ни стало вернуть меня под венец.

Лгала она тоже совершенно очаровательно, и я не верил ни одному ее слову, даже несмотря на широко распахнутые, прекрасные, невинные глаза. Смею надеяться, что Эрин действительно сожалела, что хотела проткнуть меня этой острой штукой, но вся история про жениха не стоит даже самой художочной лапки фиоссы. Если каждая сбежавшая невеста будет тыкать стилетом в грудь очередного друга суженого, то мужское население Рапгара вымрет в течение года.

— Я не буду досаждать вам своим обществом, чэр эр'Картия. На следующей же станции я непременно сойду.

Я хотел сказать, что ее общество меня нисколько не утомляет, но не успел. Меня прервали самым бесцеремонным образом.

Дверь едва не слетела с петель, девушка испуганно вскрикнула, вжавшись в стенку, а в проеме появилась красная потная рожа уже знакомого мне амбала, за которым маячил жвилья и еще какой-то усатый уродец, похожий на хорька в чело-веческом обличье.

— Вот она! — рявкнул красномордый, брызгая слюной, и, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания, бросился к Эрин, выхватив нож.

Я с детства не люблю грубиянов. Их вульгарная бесцеремонность и мнение, что можно переть без спросу, всегда утомляют и раздражают. В данном случае я был хозяином этого купе и сам решал, кто будет здесь моим гостем, а кто вылетит отсюда.

Я без всяких экивоков ткнул тростью в живот ворвавшегося мужлана. Тот, не ожидавший от меня столь решительных действий, охнул, согнулся, схватившись за больное место, и округлил и без того выпученные глаза. Мне показалось, что этого мало для того, чтобы он запомнил простую истину — в дверь чужой собственности требуется стучать, поэтому я уда-

рил наглеца серебряным набалдашником по шее, и тот рухнул на пол с достаточно ощутимым грохотом.

Находящийся в дверях жвилья взял быка за рога, выхватив пистолет и направив его мне в лицо. Прищуренные карие, холодные, как у змеи, глаза, напряженный палец на спусковом крючке, темное восьмигранное дуло в пяти шагах от меня — чтобы все это увидеть, мне хватило доли секунды. Сработал не мозг, а мои оставшиеся от предков инстинкты — я принял Облик, отпрянул в сторону, и в этот момент грохнул выстрел.

Электрическая пуля ярко-голубой молнией ударила в стекло, разбив его на сотни мелких осколков, и ворвавшийся ветер подхватил оранжевые занавески. Человек наугад повел дулом, надеясь зацепить меня, но я уже был рядом, рубанул тростью по его руке, пистолет подскочил, и пуля проделала в потолке дыру с рваными краями.

Я швырнул трость, словно копье, в третьего, вновь стал самим собой, схватил стрелка за грудки и выкинул в окно вместе с револьвером и изумленным воплем. Меня несколько не смутило, что внешне парень выглядел несколько тяжелее и массивнее меня. Все-таки лучэры чуть сильнее людей, так что в моем поступке не было ничего экстраординарного. Надеюсь, что жвилья влетит головой в какое-нибудь дерево, благо мы как раз на полной скорости неслись через лес.

Третий из этой компании — тот самый не понравившийся мне усатый хорек — решил, что отправляться в окно ему совершенно не хочется, и бросился от меня прочь, прижимая к груди левую, поврежденную брошенной в него тростью, руку. Не знаю почему, наверное, исключительно из-за желания отвесить тумака по его костлявому заду, я рванулся следом, на ходу подхватывая Стэфана.

Нагнал я беглеца в соседнем вагоне и тут же отпрянул назад, заметив у него в руке обмотанный медной проволокой револьвер с мерцающим барабаном. В этот миг мимо меня пролетела синяя молния, продырявив дверь тамбура, словно та была из бумаги. И сразу же за ней — вторая. Я отступил подальше и оказался прав. Следующие две пули оставили два рваных отверстия там, где я только что прижимался к стене.

Эти новомодные электрические пугачи — та еще дрянь. Хуже них лишь магнитные винтовки с рельсовыми стволами,

совсем недавно поступившие на вооружение Князя. Мой приятель Талер, человек, знающий оружие не понаслышке, говорит, что новые стрелалки совсем скоро причинят нам всем массу неудобств. На мой взгляд — они уже причиняют. Вот прямо здесь и сейчас.

Я не забывал считать, и когда мимо просвистел шестой росчерк, а затем раздался сухой щелчок, выскочил в коридор, желая свернуть человеку шею, прежде чем он поменяет барабан с патронами, но тот меня опередил. Он провел дулом разряженного пистолета по полу, рисуя на ковре черную черту.

— Стой! — заорал Стэфан, но я уже грудью наткнулся на невидимую стену и, отлетев назад, упал на бок.

Меня накрыла волна тошноты, я справился с ней, вскочил, рассерженно трясая головой, но незадачливого убийцы уже и след простыл, лишь хлопнула дверь тамбура.

— Кому говорил «стой»! — рассерженно рычал амнис.— Совсем ослеп, мальчик! Темное начало нарисовано на полу! Такого, как ты, это может и убить! Хорошо, что он не успел начертить знак полностью, иначе ты бы изжарился!

— И без тебя знаю! — огрызнулся я, все еще ошеломленный тем, что столкнулся с одним из изначальных магов, и раздосадованный, что эта сволочь умудрилась сбежать.

Я с мрачным видом посмотрел на черные полосы, испортившие прекрасный магарский ковер. Незаконченный лотос и цапля, вписанная в многоугольник, — точно такая же печать Изначального огня, правда горящая, когда-то лишила меня свободы на долгие годы.

Я поднял с пола свою шляпу, на ходу отряхнул испачканную тулью, водрузил себе на голову и поспешил назад. С этой глупой погоней я непростительно забыл об Эрин.

В моем вагоне из соседних купе выглядывали испуганные, побледневшие пассажиры, все спрашивали друг у друга, что произошло и почему стреляли. Кондуктор-мяурр со вздыбленной шерстью и выпущенными когтями пытался их успокоить. Мне он тихо сказал:

— Простите, чэр, но на станции придется вызвать жандармов.

Я остался бесстрастен. Заглянул в свое купе. Красотка Эрин пропала, а красномордый здоровяк лежал с воткнутым ему в сердце стилетом.

Глава 3 ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОКЗАЛ

— Сегодня не твой день. Один идиотский поступок за другим.

— Ты злишься потому, что тебе не дали выспаться? — Я чувствовал раздражение от всего случившегося.

— Нет! Я злюсь исключительно из-за того, что ни один из этих криворуких господ тебя не убил! Иначе я бы давно уже обрел свободу и не торчал здесь с таким...

— Осторожнее, амнис! — В моем голосе появилась сталь. — Я не в настроении.

— Извини... хозяин, — тут же сбавил тон Стэфан. — Но разве ты не видел, что девушка та еще штучка?

— Видел. Если она невеста, а те грубые ребята — женихи, то мне становится страшно за таинство брака.

Нападение, попытка убийства, стрельба, маг и убийство — и это все за неполных десять минут. Таинственная Эрин появилась и тут же исчезла, оставив после себя труп одного из своих преследователей. Кто она на самом деле? Чего хотела? От кого убегала? Кто на нее напал? И почему она так внезапно ушла?

Можно строить догадки до бесконечности, но все они — песчаные замки на морском берегу. Ответов я все равно не получу. Лучшим вариантом было бы забыть это маленькое дорожное приключение как можно скорее. Выкинуть из головы всю случившуюся суету, как жвилья через окно.

Но у меня не слишком получалось. Во-первых, я по природе своей любопытен. Во-вторых, крошка Эрин привлекла мое внимание. Она была интересной. Казалось, в этой девушке есть что-то такое... живое, что ли? Да, пожалуй, именно это слово. Рядом с ней впервые за семь с половиной лет я почувствовал, что пробуждаюсь и становлюсь прежним собой. Ти-

лем эр'Картиа. Таким, каким его знали до событий, случившихся на вилле «Черный журавль».

Эрин, таинственная девушка с карминовыми губами, была слишком непохожа на Клариссу и дам из высшего света. И, признаться честно, мне бы хотелось увидеть ее еще раз.

Я достал часы, покачал их на цепочке перед глазами, глядя на гравировку на крышке.

«Тилу, в которого я всегда верил, несмотря ни на что. Дядя».

Порой я чувствую себя большим подлецом. Я принял подарок, но так и не нашел в себе сил прийти и извиниться перед ним за те слова, что сказал ему после того, как славный судья Дикстоун огласил решение Палаты Семи.

Откинув крышку, я посмотрел на стрелки. Никогда не опаздывающий «Девятый скорый» впервые за свою историю задерживался на несколько часов.

После случившегося паровоз остановился на первой крупной станции — Лайльеге, и за дело принялись господа из Скваген-жольца. Перво-наперво они все оцепили, провели тщательную проверку, но Эрин и усатого мага и след простыл. Оставалось лишь предполагать, как им удалось покинуть несущийся на всех парах поезд.

Синие мундиры допрашивали пассажиров, в том числе и меня. На мое счастье, кондуктор подтвердил, что я всего лишь жертва обстоятельств и не причастен к убийству того господина. Пока поезд стоял, рабочие со станции успели поменять стекло в моем купе, убрали труп, вынесли окровавленный ковер. Машинист ка-га шипел и плевался кипятком почище парового котла.

— Возмутительно! — верещал он, подпрыгивая перед жандармом и явно считая, что это действие придаст ему значительности. — Такая задержка! Дайте! Дайте справку с печатью, иначе профсоюз оторвет мне голову!

Стэфан тихонько фыркнул, возвращая меня к действительности.

— Что? — не понял я, перестав смотреть в окно.

— Тот жвилья. Его глаза. Клянусь Всеединым, они были крайне изумленными, когда ты принял Облик. Он явно не ожидал от тебя ничего подобного, мой мальчик.

Надо думать. Каждого жителя Рапгара с самого детства

учат одному простому правилу — по возможности не задирают лучэров с красными и янтарными глазами. Это старая кровь, сохранившая в себе память предков и, в отличие от остальных Детей Мух¹, способная использовать и Облик, и Атрибут. Лишь Всеединый знает, кем они станут, когда вы нападете, и что они с вами сделают.

Все остальные чэры — свежая кровь, дети лучэров и людей, утратили древнее знание. И с ними можно уже не быть настолько вежливыми.

Мои глаза не алые и не желтые — они пепельные, но кровь моего отца оказалась сильна. У меня есть мой Облик и есть Атрибут. Конечно, им далеко до того, что имеется у Данте или того же Князя, но порой и этого достаточно, чтобы выиграть схватку. К примеру, в такой день, как сегодня.

Я выглянул в окно.

Мы уже проехали окраины Рапгара и Вольный город и теперь, миновав разветвление железнодорожной колеи, уходящей налево, к туннелю, проложенному под Холмами, приближались к вокзалу.

Рапгар, это огромное чудовище, раскинувшееся на двух берегах морского фьорда и окрестных островах, западной оконечностью упирающееся в пресноводное озеро Мэллавэн, выросал из-за горизонта бесконечными домами, дорогами, постройками и трубами далеких заводов и фабрик. Наш славный город — это одна большая братская могила мертвых, не совсем мертвых, не слишком живых и тех, кто делает вид, что он жив.

Он притягивает и отвращает одновременно. Столица страны многогранна, словно раздавленный калейдоскоп, из которого высыпались разноцветные стеклышки — зеленые, синие, красные и черные. Все вперемешку. Здесь можно найти настоящее сокровище и смрадный мусор, уютный уголок и отвратительную ночлежку, отыскать друга и обрести массу врагов, начать новую жизнь или же распрощаться с ней навсегда. Рапгар — страна множества рас, королевство богачей, царство нищих, мир пара и электричества, пропахший гарью,

¹ Дети Мух — одно из уничижительных прозвищ лучэров. В древних рукописях писали, что лучэры произошли от вырвавшейся из Изначального пламени огненной мухи (хотя это и не так).

порохом, испражнениями скангеров, утонченными духами, свежим морским бризом, Королевством мертвых и персиковыми садами.

Районы Иных, плотно застроенные, с теснящимися друг к другу домами, темными крышами, серыми стенами, высокими шпилями старой застройки тянулись по обе стороны от железной дороги. Здесь, как всегда, царили оживление и суетолака. Люди и нелюди спешили по своим делам, торговали и заключали сделки. Наперегонки с поездом отправились несколько фиосс. Судя по бледным полоскам на брюшках — совсем еще дети, каким-то чудом умудрившиеся вырваться из-под назойливой опеки родного роя.

Пузатый молодняк, весело жужжа, летел рядом с моим вагоном. Один из них заметил, что я наблюдаю за этой гонкой, помахал мне черной лапой и растянул зубастую пасть, что означало дружелюбную улыбку. Я помахал в ответ, и он, довольный вниманием, поднажал еще сильнее, надеясь если и не обогнать паровоз, то хотя бы позлить машиниста ка-га.

Они отстали от «Девятого скорого», лишь когда начался университетский район Маркальштука — ухоженный, с подстриженными газонами и золотыми парковыми рощами — прекрасный оазис среди диколесья южных районов Рапгара. Гордость университета — огромная обсерватория, купол которой в хорошую погоду был виден даже с противоположного берега, — на секунду закрыла собой половину неба, а затем сгнула, уступив свое место университетским корпусам.

— Ты хотя бы осознал, что тебя могли убить? — нарушил молчание Стэфан.

Я хотел ему ответить, что как-то поздно трепыхаться по поводу собственной смерти, но решил не раздражать попустому.

— Внимание жандармов тебе ни к чему, — продолжал давать амнис.

— Перестань! — отмахнулся я от него. — Ничто в этом мире не способно испортить мою репутацию. Нечего уже портить.

Поезд тем временем выехал на мост Разбитых надежд — самый длинный и высокий в Рапгаре. Он соединял южный берег с Сердцем — крупным островом, который был связан с

другими, более мелкими островами и северным берегом. Ви- сячий мост построили почти двадцать лет назад, и тогда ни- кто не верил, что это огромное стальное сооружение длиной почти в полторы мили, с уходящими в воду опорами, взлета- ющими на недосыгаемую высоту алыми крыльями и натяну- тыми стальными тросами, горящее ночью электрическим светом, — простоит хотя бы день. Но он выдержал, несмотря на то что до сих пор казался многим слишком изящным, хрупким и воздушным.

Кроме железной дороги по мосту проходила и обычная — для экипажей и пешеходов. Предприимчивые ка-га обо всем позаботились и постоянно тянули плату из города за право пользования своим детищем. Уже пару раз случались ситуа- ции, когда мэр пытался протащить в Городском совете пред- ложение о национализации важного для города объекта. Но Глас Иных и забастовки ка-га, а также недовольные акционе- ры из числа уважаемых жителей Рапгара на корню пресекали эти попытки градоначальника перевести денежный поток в свои руки.

Впрочем, мост Разбитых надежд так назывался не потому, что он не рухнул в первый же час после завершения строите- льства, на чем букмекеры потеряли кучу наличности. И не от- того, что у мэра так и не получилось взять власть над этой зо- лотой жилой. Просто последние двадцать лет прыжок с мос- та — чаще всего используемый способ расстаться с жизнью.

Сюда приходят все — проигравшиеся в Яме, несчастные влюбленные, лишенные гражданства, потерявшие работу, расставшиеся со всеми надеждами и просто уставшие от су- масшествия нашего мира.

Четыре с небольшим секунды свободного падения — и по- койника, если тому повезет попасть в течение и всплыть, че- рез несколько дней баграми вытаскивают из воды лодочки или жандармы. Или же, если они не поспешили, набежавшие скангеры или выползший из темной норы тру-тру оприходу- ют несвежее мясо по-своему. Падальщики и людоеды чувст- вуют мертвых гораздо лучше, чем живые.

Далеко на западе в голубоватой дымке виднелась широкая серая ребристая полоса — дамба дьюгоней, отделяющая огромное озеро Мэллавэн от фьорда, вода в котором была чем

дальше от преграды, тем солонее. Перед дамбой раскинулся низкий, застроенный домами длинный остров. Я бы на месте жителей его районов — Паутинки, Хвоста и Гетто Два Окна — нервничал. Чуть ли не каждый год газеты писали, что по всем математическим расчетам выстроенная дьюгонями плотина не выдержит напора воды и зальет Рапгар по крыши. Если такое случится, то Паутинка и иже с нею утонут первыми в течение нескольких минут.

Правее от дамбы располагались самые грязные заводские и фабричные районы. Очаровательная четверка: Пепелок, Дымок, Сажа и Копоть. Я в жизни там не был и надеюсь, что никогда не попаду, так как у меня нет запасных легких.

Многочисленные трубы предприятий, работающих на благо города и страны, пачкали небо бесконечными столбами дыма самых странных и нелепых цветов, вплоть до алого и зеленого. При ясной погоде, когда начинался закат, из-за этих выбросов в воздух солнце окрашивалось во все оттенки радуги, а его лучи создавали и вовсе не виданные оптические эффекты. Боюсь, таких перемешанных палитр не мог бы изобрести даже воспаленный мозг лунатика, который обожрался наркотика мяурров.

На счастье жителей Рапгара, роза ветров, властвующая над городом, была такова, что весь дым сносило на запад, на озерный край и начинавшиеся за ним леса. В противном случае вся столица давно бы успела зарости сажей и провонять вплоть до старых катакомб.

Мы миновали мост, под которым спокойно проплывали корабли, и въехали в Сердце — деловой центр Рапгара, пристанище крупных банков, представительств компаний, посольств, магазинов, Академии доблести и Скваген-жольца. Дома здесь были не в пример выше, красивее и чище тех, что остались на южном берегу, а улицы широки и просторны.

Поезд начал замедлять ход, миновал небольшой туннель, проложенный под проспектом, где располагался любимый ресторан Данте, и не прошло и двух минут, как мы оказались на Центральном вокзале.

Вагон остановился у перрона, я встал и уже собирался покинуть купе, когда мое внимание привлек маленький желтый

лоскуток, торчащий между спинкой и кожаной подушкой дивана, на котором недавно сидела Эрин.

— Что это? — нахмурился я, подошел поближе, и в руках у меня оказался женский шелковый платок.

Он был канареечно-шафранным, с витиеватыми оранжевыми разводами и едва уловимо пах духами Эрин — красный мандарин, ваниль и свежесрезанные цветы.

— Забыла, когда убежала в спешке? — высказал предположение Стэфан.

— Тогда бы он просто лежал на сиденье. Или на полу. Нет. Она его спрятала. Разве не видишь?

— Вижу. Но не понимаю. Что ценного в обычном, пускай и шелковом, платке?

— Если бы я знал. Но Эрин, похоже, опасалась держать его при себе. — Я посмотрел ткань на свет, но ничего интересного не нашел, немного подумал и убрал вещь в карман брюк.

— Что ты делаешь? — тут же забеспокоился амнис.

— То, что считаю нужным. Здесь он точно пропадет. Возможно, мне когда-нибудь представится возможность встретиться с ней еще раз.

— Глазам своим не верю! — Если бы у Стэфана были руки, он бы ими непременно всплеснул. — Ты решил, что не стоит забывать эту смазливую убийцу!

— Ну здесь, положим, надо разобраться, — неохотно ответил я, направляясь к выходу. — Ее стилет в груди того жмурика еще ничего не значит.

Я распрощался с поклонившимся кондуктором и неспешно пошел по перрону, стараясь избегать суতোлки, устроенной пассажирами, и носильщиков с телегами, нагруженными чемоданами, коробками и корзинами.

К запаху смолы от шпал здесь примешивались ароматы ванили, корицы и сдобы. Чуть дальше, прямо на перроне, мальчишка из народа кохеттов торговал булочками.

Десять платформ вокзала были накрыты застекленным куполом, сквозь который проникал дневной свет. Под куполом мелькали крылатые тени — голуби и носящиеся по делам и поручениям фиоссы. Они благоразумно не залетали в основное здание вокзала, не желая сталкиваться со своими вечными врагами — хаппопелмами. У двух этих рас были ста-

родавние счеты, и, зная некоторую вспыльчивость хапл, поведение фиосс можно было назвать очень разумным.

— Не люблю этот вокзал,— между тем ворчал Стэфан.— На месте прекрасного дубового парка и фонтанов Городской совет выстроил это убожество, сделанное из стекла, кирпичей и стали. Теперь оно смотрится как какая-то язва на Сердце. Чем политикам не угодила прежняя стоянка паровозов?!

— Не приукрашивай,— попросил я его.— Старый вокзал очень давно не справлялся с людским потоком. Хорошо, что построили новый.

— Тебе же хуже. Теперь приходится добираться до дома через половину города.

Возле паровоза я стал свидетелем безобразной драки между тремя ка-га. Двое чиновников с золотыми цепями членов профсоюза, сопя, мутузили вопящего и размахивающего справкой машиниста опоздавшего поезда.

Ка-га похожи на толстых, объевшихся кротов, которые не смогли проглотить большую морковку, и теперь она торчит у них из пасти. Эти ребята ростом чуть выше моего пояса, приземистые, с лоснящейся, покрытой складками, черной шерстью, с широченными розовыми руками, маленькими поросычкими глазками и длиннющим носом, который как раз и похож на морковку.

— Я тебе такую справку покажу! — пискляво вопил один из чиновников, пытаясь пнуть машиниста короткой ножкой.— Репутация всей железной дороги мяурру под хвост! Акции компании упали на четырнадцать пунктов!

Машинист, понимая, что бумажкой с печатью делу не поможешь, ловко саданул представителя компании «Железные дороги Рапгара» по носу.

— Ах вот ты как?! — взвизгнул тот, и началась форменная свалка.

Вокруг стали собираться зеваки, подбадривая драчунов выкриками и смехом. Дерущиеся ка-га — зрелище довольно забавное. Несколько фиосс, оставив дела, сели на окрестные фонари, решив насладиться бесплатным представлением. Какой-то человек с карандашом, как видно, журналист одной из газет, строчил в блокноте, в красках описывая драку.

Я вошел в зал ожидания вокзала, где на огненном табло го-

рели данные обо всех отправляющихся сегодня поездах. Людей и нелюдей здесь тоже было достаточно, но, по счастью, обошлось без толчеи.

Привычно подняв взгляд к куполообразному потолку, я увидел двух хаплопелм, находящихся на службе у Скваген-жольца и патрулирующих вокзал. Эти прекрасные создания — лучший гарант отсутствия преступлений. Ни один карманник, вор и убийца не решится заниматься своим ремеслом под взглядом множества глаз огромных пауков.

Мне показалось, что одна из хапл смотрит на меня. Вот уж кого не люблю, так это жителей Паутинки, даже несмотря на то, что это лучшие солдаты в гвардии Князя. Хаплопелмы — крайне агрессивные и жестокие существа. А когда над тобой нависает озверевший паук восьми футов в высоту и четырнадцать футов в длину, с огромными жвалами и скоростью, в три раза превосходящей скорость охотящегося мяурра (а это о чем-то да говорит!), — надо быть начеку.

Впрочем, следует отдать должное — хаплы редко нападают первыми, конечно, если ты не являешься представителем народа фиосс или кровососов завью. Пауки не любят летающих существ.

— Осторожно! — поспешно сказал Стэфан, и через секунду передо мной уже находилась спустившаяся с потолка хаплопелма.

Огромная головогрудь с четырьмя большими, мохнатыми, суставчатыми лапами, маленькое пузатое брюшко, две пары коротких проворных «ручек» с двумя когтистыми пальцами и очень внушительные хелицеры и педипальпы¹, каждая из которых заканчивалась острым ядовитым когтем. Вся хапла, а, судя по насыщенному кобальтовому цвету, это оказалась самка, была покрыта толстым слоем волосков, очень похожих на шелковистую шерсть.

В общем, очаровательное зрелище, особенно для неподготовленных умов. Даже если заглянуть в каждый из шести блестящих агатовых глаз, никогда не поймешь, что на уме у этого

¹ Х е л и ц е р ы — первая пара ротовых придатков паукообразных, иначе называемая верхними челюстями и челюстными усиками, тогда как вторая пара называется педипальпами, нижними челюстями, или максиллами.

существа. Оставалось лишь надеяться, что тебя не перепутали с мухой.

Она раскрыла страшные жвалы, и я услышал:

— Чэр эр'Картиа? — Тихий шелест исходил из ее утробы.

— Совершенно верно, — сказал я, глядя ей прямо в «лицо».

В общении с сотрудниками Скваген-жольца до поры до времени следует сохранять вежливость.

— Следуйте за мной... Пожалуйста.

Решив, что этого достаточно, она развернулась на месте и с изяществом трамвая поперла вперед, заставляя посетителей вокзала пошевеливаться и расходиться в стороны, уступая дорогу.

Мне не оставалось ничего иного, как идти следом, хотя, конечно, можно было спросить, в чем дело и куда меня ведут. Но проще и быстрее дойти, чем пытаться препираться с кобальтовой красавицей. Я не слишком-то спешил, и хаплопелма сбавила прыть, принаравливаясь к моей походке.

Мы прошли весь зал насквозь и оказались на улице, напротив большой площади Сумок. Здесь меня ждал старший инспектор Фарбо. Он нисколько не изменился за годы, что мы не виделись. Все те же широченные плечи, едва помещающиеся в дешевый полосатый пиджак, бульдожья морда, заросшая редкой рыжеватой щетиной, и пронизательные голубые глаза, сверкающие из-под полей надвинутой на лоб шляпы.

— Старший инспектор, — холодно приветствовал я его, не сочтя нужным касаться шляпы. — Какая честь.

— Чэр эр'Картиа, — прогудел Фарбо. — Доброго дня. Простите, что пришлось искать с вами разговора столь оригинальным способом. Я боялся, что вы воспользуетесь другим выходом и мы с вами разминемся.

Я сделал вид, что поверил в эту чушь. Цепной пес Скваген-жольца вполне мог встретить меня возле поезда, раз уж ему так хотелось побеседовать. Для этого ровным счетом ни к чему было отлавливать меня с помощью хаплопелмы. Фарбо знал, что делал — не упустил возможности мне досадить, к тому же его, в отличие от паучихи, я мог бы и проигнорировать.

— Благодарю вас, офицер, — сказал он, отпуская хаплу, и та бесшумно скрылась в здании вокзала.

Эдакое чудовище на службе порядка и закона Рапгара.

— Не желаете пройтись? — Старший инспектор приглашающим жестом указал в сторону площади.

Фарбо старался показать свою любезность, но и я, и он знали, что друг друга нам обмануть не удастся.

— К сожалению, у меня нет на это времени, — сказал я. — Если вас что-то интересует, то я предпочел бы разобраться с этим как можно скорее.

— Ну что же, — не стал спорить инспектор и вытащил потрепанный блокнот. — Давайте здесь, раз вас это не смущает. Наши сотрудники успели передать сообщение в Скваген-жолыц о случившемся в «Девятом скором». Как я понял, вы были свидетелем произошедшего. И в вас, кажется, даже, — Фарбо заглянул в блокнот, — стреляли.

— Совершенно верно.

— Хотелось уточнить — именно поэтому вы убили одного из нападавших?

Я посмотрел в его хитрые глаза и улыбнулся:

— Нет. Такого не было. Думаю, свидетели подтвердят мои слова.

— Конечно. — Он что-то зачеркнул. — Но стоит решить все неясности и недомолвки сразу. Прежде чем газеты разносят эту информацию по городу. Преступление слишком громкое, чтобы мы могли его скрыть. У вас есть какие-нибудь заявления, чэр? Быть может, что-нибудь еще вспомнили?

— Увы, нет. Вся надлежащую информацию я оставил жандармам.

— Жаль. — Он захлопнул блокнот, убрал его во внутренний карман пиджака. — Ну что же — не смею вас больше задерживать.

Я, не прощаясь, пошел своей дорогой, но инспектор меня тут же окликнул:

— Чэр эр'Картиа. Откуда вы приехали?

— Это имеет значение? — надменно поинтересовался я, размышляя, почему он вдруг решил проявить такой интерес.

— К случившемуся в поезде? Нет. Просто, для отчета.

— Был на охоте в поместье Зинтринов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> «Девятый скорый»	7
<i>Глава 2.</i> По северной железной дороге	21
<i>Глава 3.</i> Центральный вокзал	36
<i>Глава 4.</i> Дом на улице Гиацинтов	47
<i>Глава 5.</i> Женатый на пистолетах.	68
<i>Глава 6.</i> Прием у Катарины	89
<i>Глава 7.</i> Чэр Мертвец	111
<i>Глава 8.</i> Немного серого цвета	137
<i>Глава 9.</i> Начальник и палач	152
<i>Глава 10.</i> Данте.	164
<i>Глава 11.</i> Арена	187
<i>Глава 12.</i> Дуэль.	205
<i>Глава 13.</i> Незванные гости	215
<i>Глава 14.</i> Яма.	232
<i>Глава 15.</i> Кошачий приют	266
<i>Глава 16.</i> Круг Когтей	279
<i>Глава 17.</i> Мышка мышурров	295
<i>Глава 18.</i> Человек, видящий грезы	315
<i>Глава 19.</i> Дочь низшей	327
<i>Глава 20.</i> Гости	354
<i>Глава 21.</i> Старый Лис	368
<i>Глава 22.</i> Князь и начальник	388
<i>Глава 23.</i> Клевер Всеединого	404
<i>Глава 24.</i> Алисия	430
<i>Глава 25.</i> Огненный клинок	444
<i>Глава 26.</i> Врата.	456